

П. В. АННЕНКОВ
ЛИТЕРАТУРНЫЕ
ВОСПОМИНАНИЯ

С Е Р И Я ЛИТЕРАТУРНЫХ МЕМУАРОВ

Под общей редакцией

С. Н. ГОЛУБОВА, Е. В. ГРИГОРЕНКО,
Н. К. ГУДЗИЯ, С. А. МАКАШИНА,
Ю. Г. ОКСМАНА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
художественной литературы

1960

П. В. АННЕНКОВ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ
ВОСПОМИНАНИЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1960

*Вступительная статья,
подготовка текста и примечания*
В. П. ДОРОФЕЕВА

Оформление художника
Н. ШИШЛОВСКОГО

П. В. АННЕНКОВ И ЕГО ВОСПОМИНАНИЯ

Воспоминания П. В. Анненкова издавна пользуются широкой и вполне заслуженной известностью как живой и вдумчивый рассказ очевидца о литературной жизни сороковых—шестидесятых годов прошлого века.

Анненков назвал сороковые годы «замечательным десятилетием», и в такой их характеристике нет ни преувеличения, ни идеализации. Эти годы — действительно одна из важнейших и поворотных эпох в духовном развитии России. Отсталая и темная страна, скованная крепостным правом, придавленная царским деспотизмом, дала в ту пору такое яркое созвездие выдающихся писателей, мыслителей, ученых, которые мощно двинули вперед общественное самосознание и подготовили своей неутомимой идейно-теоретической работой вступление русского освободительного движения в новую, более высокую, разночинско-демократическую фазу его развития. В истории общества, писал Герцен, бывают периоды, когда «литературные вопросы, за невозможностью политических, становятся вопросами жизни»¹. Так обстояло дело и в России в сороковые годы.

Основная тема воспоминаний Анненкова — идейно-нравственные искания выдающихся деятелей русской общественной мысли и литературы того времени, характеристика умонастроений и переживаний тех «чудных личностей», по его выражению, общение с которыми украсило его молодость.

Анненков был близок с Белинским и его окружением в «Отечественных записках» и «Современнике», тесно общался с Гоголем в тридцатых и сороковых годах. Без малого сорок лет он дружил с Тургеневым,

¹ А. И. Герцен, Собрание сочинений в тридцати томах, т. IX, стр. 152.

длительные приятельские отношения связывали его с Грановским, Герценом и Огаревым, а затем Щедриным, Писемским и многими другими видными литераторами.

Будучи в 1846—1848 годах за границей, Анненков одним из первых русских людей познакомился с К. Марксом и вступил с ним в деятельную переписку, в результате которой мы располагаем важнейшим документом — письмом К. Маркса с обстоятельным критическим разбором нашумевшей тогда в Европе и в России книги Прудона «Система экономических противоречий, или философия нищеты».

Как видим, круг знакомств обширнейший, связи и отношения на редкость разносторонние, идейные токи и нравственные веяния самые разнохарактерные. Такому человеку было что вспомнить!

И потому живой рассказ Анненкова о том, что он наблюдал, — а он умел зорко и тонко наблюдать! — что он слышал, — а он умел превосходно слушать! — рассказ, всегда насыщенный характерными приметами времени, имеет для нас серьезное познавательное значение.

Когда Н. Г. Чернышевский в середине пятидесятых годов нарушил заговор многолетнего молчания и первый заговорил о Белинском в «Очерках гоголевского периода русской литературы», он обратился за фактическими сведениями не к Боткину или Кетчеру, а именно к Анненкову. Чернышевский гласно благодарил его в одном из примечаний к этой своей работе и выражал надежду, что «интересные воспоминания г-на А^{нненкова} а со временем сделаются известны нашей публике»¹.

Н. Г. Чернышевский высоко оценил первые критико-биографические этюды Анненкова — материалы для биографии Пушкина, воспоминание о Гоголе, биографию Н. В. Станкевича. «После славы быть Пушкиным или Гоголем, — писал Чернышевский по этому поводу, — прочнейшая известность быть историком таких людей»².

«Замечательное десятилетие» внимательно изучали критики-марксисты, в том числе и Г. В. Плеханов, работавший над историей русской общественной мысли, хотя он и не раз сетовал на то, сколь бывает ограничен и мелок Анненков, когда речь заходит о действительно великих теоретических прозрениях Белинского или Герцена.

По мнению Плеханова, «Замечательное десятилетие» интересно и своей «субъективной» стороной — как характерный и колоритный документ эпохи. Являясь непосредственным отголоском мнений, типичных для определенной общественно-классовой среды, «Замечательное десятилетие» показывает нам, что же думали о Белинском и Герцене, как

¹ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. III, М. 1948, стр. 210.

² Там же, т. IV, стр. 719—720.

преломляли их идеи в своем сознании либералы-современники, так или иначе близко к ним стоявшие.

Лучшие из воспоминаний Анненкова превосходно написаны. «Вы мастер резюмировать данный момент эпохи», — писал ему Тургенев 1/13 августа 1859 года, имея в виду умение Анненкова от характерных деталей восходить к обобщениям, к широкой и цельной картине жизни, выяснить ее общий смысл, передать неповторимый колорит времени.

Отталкиваясь от того или иного факта, брошенного в свое время на бумагу или сохранившегося в памяти, Анненков, при дальнейшей «отработке» его в своих воспоминаниях, не чуждался приемов очерка и даже «беллетристики», особенно в обрисовке людей, в выяснении идейных и нравственно-психологических мотивов их отношений и действий.

Его лучшие страницы о Гоголе в Риме, о спорах в Соколове летом 1845 года, о Белинском в Зальцбрунне, о появлении Герцена в Париже увлекают «художественностью изложения» (Белинский).

I

Жизненный и идейный путь Павла Васильевича Анненкова — явление по-своему характерное для дворянской интеллигенции в условиях перелома от крепостничества к капитализму (Анненков родился, по-видимому, в апреле 1813 года — умер 8 марта 1887 года).

По рождению Анненков принадлежал к среде служилого незнатного дворянства среднего достатка. Семья его владела поместьями в Симбирской губернии, но жила преимущественно в столицах. Старшие братья литератора, Иван и Федор, сделали блестящую карьеру, дослужившись до высоких чинов. Судьба Павла Анненкова сложилась иначе.

Первоначальное образование он получил в Петербургском горном корпусе, где проучился до специальных классов горно-инженерного дела, затем недолго был вольнослушателем Петербургского университета по историко-филологическому факультету. В 1833 году Анненков пытался служить в министерстве финансов в чине коллежского секретаря, но, пожелав, по собственному признанию, «пожить как хочется», вскоре оставил службу и перешел на положение бесчиновного «неслужащего дворянина».

Анненков увлекается в эти годы театром, живописью, литературой, знакомится с Н. В. Гоголем и входит в круг его приятелей по Нежинскому лицей и новых петербургских знакомых. По характеристике Анненкова, это был «никем не ведомый и запертый, в себе самом кружок» почитателей гоголевского таланта, любителей литературы и искусства, далекий от серьезных общественно-политических запросов. Но в кружке

уже внимательно и сочувственно следили за выступлениями Белинского в «Молве» и «Телескопе» в защиту гоголевского творчества и, судя по умонастроению молодого Гоголя, Н. Я. Прокоповича и А. А. Комарова, не чуждались независимого образа мыслей и вольного слова.

Не без влияния Гоголя Анненков пробует свои силы в беллетристике. И. И. Панаев называет его в числе безвестных начинающих авторов, которые во второй половине тридцатых годов в Петербурге собирались по вечерам у А. А. Комарова, кадетского капитана Клюге фон Клугенау и читали по очереди свои сочинения¹. На одной из таких сходов у А. А. Комарова в конце 1839 года Анненков познакомился с Белинским.

С конца 1840 года по начало 1843 года Анненков пребывает за границей, путешествует по Германии, Италии, Франции, длительное время живет в Париже.

Трудно точно сказать, какие умонастроения владели им в конце тридцатых — начале сороковых годов. Но одно несомненно: будучи, по собственному признанию, «от малых ногтей петербургской косточкой», вращаясь и в чиновном и в довольно разношерстном кругу околелитературной и театральной петербургской молодежи, Анненков не особенно-то задумывался над теми вопросами русской действительности и литературы, которые составляли содержание жизни Белинского. По свидетельству современников, он уже и в те годы отличался завидным умением «отыскивать себе наслаждение и удовлетворение во всем — и в природе, и в искусстве, и даже во всех мелочах жизни».

Однако общение с Белинским оказало и на Анненкова серьезное влияние, и об этом он сам довольно подробно и объективно рассказал в «Замечательном десятилетии». Через Белинского Анненков вошел в среду передовых литераторов, группировавшихся в сороковых годах вокруг обновленных «Отечественных записок», а затем «Современника», «получил понятие» и о московских кружках и сблизился в дальнейшем с Боткиным, Грановским, Кавелиным и другими западниками. По совету Белинского, Анненков занялся в это время публицистикой и выступил с интересными путевыми очерками и содержательными зарисовками из европейской жизни — «Письмами из-за границы» (1841—1843) и «Парижскими письмами» (1847—1848), возникшими в итоге его длительных пребываний за границей.

Анненков никогда не разделял революционно-демократических убеждений Белинского и Герцена. Он всегда был далек от свойственного им пламенного искания истины и тем более от претворения передовых идей в общественное дело. Его интерес к идеям демократии и социализма не простирался далее платонической любознательности.

¹ И. И. Панаев, Литературные воспоминания, М. 1950, стр. 105.

Но даже и Анненков был серьезно увлечен идейным подъемом сороковых годов в России, сопутствовавшим освободительному брожению среди крепостного крестьянства. Это время стало для него порой наибольшего вольномыслия и сочувствия освободительным идеалам в той мере, в какой эти понятия вообще применимы к людям его духовного склада и образа мыслей.

Как и большинство либералов-западников, Анненков был сторонником «европеизации» общественно-политических порядков в России, защиты гражданских прав личности, просвещения и свободы слова. Он искренне осуждал бесправие, царившее в стране, произвол царских чиновников, гнет цензуры и, судя по переписке с Белинским, сочувствовал отмене крепостного права.

Сороковые годы являются наиболее светлой полосой в истории русского либерализма. В своем недовольстве николаевским режимом и крепостничеством, в защите гуманизма, просвещения и литературы, в своем сочувствии к «простонародью» и терпимости к «увлечениям» и «крайностям» нарождавшейся демократии, лучшие из либералов-западников этого времени совершенно искренни, они далеки еще от классового своекорыстия, измен и предательств. Но ограниченность их точки зрения, их половинчатость и политическая бесхарактерность совершенно очевидны уже и в эту эпоху и вызывают резкую и прямую критику со стороны Белинского.

В 1843—1845 годах Анненков живет в России. Он «свой человек» в петербургских и московских кругах, связанных с Белинским, Герценом и Грановским. В это время он особенно близко сходитя с Белинским и, казалось бы, поддерживает его литературные и общественно-политические устремления. Однако в идейных спорах и столкновениях, знаменовавших начало отмежевания демократии от либерализма, Анненков, как правило, всегда оказывается на стороне то Грановского, то Боткина, разделяя их идеалистические взгляды и умеренно либеральные упования в политике.

В начале 1846 года Анненков вторично уезжает за границу, живет проездом в Берлине, Брюсселе и устремляется в Париж. Через своих русских приятелей — В. Боткина, Г. Толстого и М. Бакунина — он знакомится с многими выдающимися деятелями международного освободительного движения — Лелевелем, Гейне, Жорж Занд, Гервегом, Леру, Прудоном, Корбоном.

В искреннем желании быть «с веком наравне», «не отстать», «ловить современность» Анненков жадно искал встреч с замечательными людьми своего времени, и в этом не было с его стороны ни лицемерия, ни расчета. Эту черту в Анненкове тонко подметил впоследствии Лев Толстой, который писал 21 октября (1 ноября) 1857 года Боткину и Тургеневу: «Анненков весел, здоров, все так же умен, уклончив и еще с большим жаром,

чем прежде, ловит современность во всем, боясь отстать от нее. Действительно, плохо ему будет, ежели он отстанет от нее. Это одно, в непогрешимость чего он верует»¹. Именно этот мотив, а не какой-то неискренний расчет, как иногда думают, свел его с Марксом и Энгельсом.

Анненков встречался с ними в Брюсселе в конце марта — начале апреля 1846 года и тогда же присутствовал на одном из заседаний руководимого Марксом Брюссельского корреспондентского комитета коммунистов. Это заседание он и описал впоследствии в «Замечательном десятилетии». В дальнейшем Анненков не раз виделся с Марксом и поддерживал с ним оживленную переписку вплоть до революции 1848 года.

Обширный круг знакомых в среде международной революционной эмиграции, активное участие Анненкова в тех спорах и дискуссиях, которые волнуют в это время русско-парижскую колонию во главе с Бакуниным и Сазоновым, а затем Герценом, дошедшая до нас переписка Анненкова с К. Марксом и М. Бакуниным, наконец его «Парижские письма», проникнутые пытливым интересом к кипучей идейной жизни предреволюционного Парижа,— все это говорит о том, что Анненков вполне серьезно увлечен в эти годы теоретическими исканиями освободительной мысли. Он внимательно изучает немецкую и французскую революционную публицистику, не без влияния Маркса обращает внимание на печать «рабочников», проявляет особый интерес «к политико-экономическому движению», которое, по его мнению, «составляет отличительную черту современного направления как во Франции, так и в Европе» (девятое из «Парижских писем»).

Анненков превосходно осведомлен и о том, что происходит в России. Судя по одному из писем Белинского, он резко отзывался о книге Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями»², в «Парижских письмах» поддерживает критика в его борьбе против славянофилов.

Анненкова серьезно тревожит тяжелое состояние Белинского. В мае 1847 года он откладывает планы своего путешествия в Италию и Грецию до лучших времен и по первому же известию из России спешит на встречу больному другу в Зальцбрунн и берет на себя заботы о нем на все время пребывания последнего за границей. И мы знаем по части той переписки, которая дошла до нас, какой глубокой благодарностью отвечал Белинский Анненкову на его дружеское внимание и участие в последнюю, самую тяжелую для критика полосу жизни.

Анненков — единственный свидетель того, как писалось политическое «завещание» Белинского, его знаменитое зальцбруннское

¹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 60, стр. 233—234.

² В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, изд. АН СССР, т. XII, стр. 340.

письмо к Гоголю. В своих письмах из России в конце 1847 и в начале 1848 года Белинский доверительно делится с Анненковым своими заветными надеждами на отмену крепостного права, соображениями об исторической роли буржуазии и анархических ошибках М. Бакунина на этот счет, о возможных для России путях ее «гражданского» развития. Очевидно, все эти вопросы часто всплывали в их зальцбруннских и парижских беседах. Такого рода писем не пишут случайным знакомым...

Революция 1848 года, которую Анненков наблюдал непосредственно в Париже, явилась для него полной неожиданностью и как-то сразу погасила в нем интерес к демократическим идеям.

Что особенно ошеломило Анненкова в ходе революции — и здесь ему опять-таки нельзя отказать ни в уме, ни в исторической проницательности — так это самостоятельное выступление рабочего класса, начало великой битвы труда против капитала и всего миропорядка, основанного на владычестве буржуазной собственности. Очевидно, беседы с К. Марксом не прошли для Анненкова даром и в этом отношении.

Сообщая братьям в письме от 9 марта 1848 года о положении дел в Париже, размышляя о предстоящих выборах в Национальное собрание, Анненков писал: «Хотят, чтоб в нем было побольше мужиков, мастеровых и вообще рабочего класса: этого даже и в старую революцию не было — вот почему настоящая гораздо ужасней прежней. Теперь идет дело, как бы сделать работника владельцем части того, что он работает по заказу; как бы сделать земледельца владельцем части чужой земли, которую он обрабатывает по найму; разумеется, фабриканты и владельцы земли будут сопротивляться... битва отложена до Национального собрания. Вместе с ним она подымется — страшная, решительная...»¹

И, как знаем, битва произошла в мае и июне 1848 года. Анненков был живым свидетелем этих событий. В письмах в Россию, адресованных к братьям и рассчитанных, очевидно, на перлюстрацию, Анненков уже откровенно благословлял «здравый смысл» французской буржуазии, уберегшей страну от революционной «анархии». Такова вообще логика либерализма, от классового страха перед грозной опасностью «снизу» всегда бросающегося в объятия реакции.

В сентябре 1848 года Анненков возвращается в Россию. «Время надежд, гаданий и всяческих аспираций», связанных с платоническим интересом к революционной теории, миновало для него навсегда. Он исповедует теперь «трезвость» умеренного либерализма, «мирный прогресс» на почве неприкосновенной частной собственности и «порядок» под эгидой просвещенного абсолютизма, гарантирующего от «анархии» народных масс.

¹ «Исторический сборник», 1935, № 4, стр. 248.

Разгул правительственной реакции, беснование царской цензуры, палаческая расправа с петрашевцами, многолетняя каторга некоторым из них за одну только попытку распространить письмо Белинского к Гоголю деморализуют круг петербургских и московских западников, близко стоявших к Белинскому и Герцену.

Анненков порывает в период реакции связь с Герценом, оставшимся в эмиграции, и немало злословит по его адресу в кругу московских и петербургских друзей. По одному из писем Гоголя к Данилевскому мы знаем, что в сентябре 1848 года Анненков рассказывает писателю об «ужасах» революционной борьбы парижских пролетариев. Этим же настроением проникнут и его памфлет «Февраль и март в Париже, 1848 г.». Очевидно, Анненков начал писать этот памфлет по горячим следам событий, но опубликовать его он отважился лишь в 1859 и в 1862 годах (в «Библиотеке для чтения» и «Русском вестнике» Каткова).

В 1849—1853 годы Анненков подолгу живет в провинции, в Симбирске, приводя в порядок расстроенное имение. О своей унылой, бесцветной жизни в условиях реакции, о застойной и затхлой атмосфере безгласного рабства, царившей в дворянских либеральных кругах, он вспоминал в конспективном наброске «Две зимы в провинции и деревне».

Самое важное литературное дело Анненкова в эти годы — опыт первого научного и наиболее полного по тому времени семитомного Собрания сочинений А. С. Пушкина, изданного в 1854—1857 годах. Это издание стоило Анненкову немалых усилий, потому что наследство великого национального поэта было тогда слабо изучено, а бесновавшаяся царская цензура во множестве случаев настаивала даже и на прямой фальсификации пушкинских текстов. Самостоятельные работы Анненкова, так или иначе связанные с изданием сочинений Пушкина, в частности его очерк «Литературная тяжба», сохранили известный познавательный интерес до наших дней.

Менее плодотворной была очерково-беллетристическая и критическая деятельность Анненкова. В 1847—1848 годах он напечатал в «Современнике» рассказ «Кириуша» и слабую повесть «Она погибнет». Его «Письма из провинции» («Современник», 1849—1851) в то глухое время обратили на себя внимание свежестью отдельных зарисовок из провинциального быта, но долго не задерживались в памяти читателей.

Следует иметь в виду, что под давлением правительственной реакции, растянувшейся на семилетие, вплоть до смерти Николая I, самый тон литературной жизни, уровень литературы и критики вообще серьезно понизились, а это открыло сравнительно широкий простор для влияния всякого рода полуталантов, мертворожденных теорий и половинчатых истин.

Наиболее известные критики тех лет — А. В. Дружинин, Аполлон Григорьев, С. С. Дудышкин, а за ними и П. В. Анненков — исповедуют в разных видах в сущности одну и ту же безжизненную теорию «чистого искусства».

Откровенно эстетский взгляд на литературу Анненков выразил в таких своих статьях «программного» характера, как «О мысли в произведениях изящной словесности» (1855) и «Старая и новая критика» (1856). И в той и в другой статье Анненков, порывая с коренными положениями критики Белинского, отстаивал как единственную основу искусства чистое «созерцание жизни», без каких бы то ни было «посредников», то есть без участия в художественном творчестве аналитической работы мысли, убеждений писателя, его общественных идеалов.

Эти положения, направленные против основ материалистической эстетики Белинского и Чернышевского, Анненков пытался развить и применить, анализируя творчество Тургенева, Толстого, Аксакова, Писемского, и, конечно, терпел неудачу. Его анализ, как правило, приобретал формальный, мелочный характер, интересный частностями, отдельными наблюдениями, но несостоятельный как целое в силу безжизненной концепции.

Н. А. Добролюбов не раз зло высмеивал Анненкова-критика за мелочность и формализм анализа, прикрытые архитуманной фразеологией. Например, в начале статьи «Когда же придет настоящий день?», не называя Анненкова по имени, он почти дословно цитирует место из его статьи «Наше общество в «Дворянском гнезде» Тургенева» насчет «тончайших поэтических оттенков жизни... острого психического анализа... понимания невидимых струй и течений общественной мысли» как характерный пример беспредметного эстетского красноречия.

Н. Г. Чернышевский положительно отзывался об историко-литературных работах Анненкова, но его эстетские статьи, его попытки вкупе с Дружининым преодолеть «неудовлетворительность понятий Белинского» он считал жалким эпигонством.

Познакомившись с «программной» статьей Анненкова «О значении художественных произведений для общества» (в дальнейшем «Старая и новая критика»), Щедрин писал в письме к Дружинину в 1856 году: «Возвращаю Вам 4 № «Р<усского> в<естника>»; там есть статья Анненкова, которая Вам будет очень приятна, потому что она заключает в себе теорию сошествия св<ятого> духа»¹. И в статье 1856 года о стихотворениях Кольцова Щедрин посчитал необходимым резко и прямо ответить Анненкову, не называя его по имени, на его «теорию сошествия святого

¹ М. Е. Салтыков-Щедрин, Полное собрание сочинений, М. 1937, т. XVIII, стр. 127.

духа» — на реакционно-идеалистическую трактовку им проблем художественности и народности ¹.

В дальнейшем Анненков уже не печатал подобных «программных» высказываний. В годы демократического подъема он пытался писать статьи в духе ранее отвергаемой им «социальной» критики («Литературный тип слабого человека...», по поводу «Аси» Тургенева, 1858, «Деловой роман в нашей литературе», по поводу «Тысячи душ» А. Писемского, 1859, и другие). Но лавирование, эклектизм, а главное, безжизненность трусливой либеральной мысли, узость взгляда делали малоинтересными и эти критические опыты Анненкова.

С поражением царизма в Крымской войне и смертью Николая I активизируется либеральное движение, являвшееся симптомом нараставшего демократического подъема. В дошедшей до нас переписке с Тургеневым, беседах с Герценом и Огаревым, следы которых остались в их письмах, наконец в своих критических статьях этих лет Анненков славословит даже и явно половинчатые шаги самодержавия, направленные к «обновлению» русской жизни, к освобождению крестьян. Он в восторге от планов и работы редакционных комиссий, в которых заседают его светские и либеральные друзья — «петербургские прогрессисты». Ему кажется, что близится к исполнению дело, о котором всю жизнь мечтал Белинский.

В статье «Литературный тип слабого человека...» Анненков прямо берет под защиту либерально настроенную дворянскую интеллигенцию, страдавшую робостью и непоследовательностью в общественном деле. По мнению Анненкова, это не «отжившее», как думали революционные демократы, а «единственно рабочее» поколение, оно — «основа для всего дельного, полезного и благородного». По его убеждению, Россия, вступившая на путь мирного прогресса и прозаического дела, не нуждается в «героическом элементе», в появлении «чрезвычайных, огромных личностей, так высоко ценимых Западной Европой». В России уместен лишь «домашний героизм», то есть будничный и упорный труд сообща «образованных и благонамеренных людей» на почве легального прогресса.

Как видим, дискуссия о «лишних» и «слабых» людях, развернувшаяся в русской литературе в период демократического подъема, носила политически актуальный характер. Речь шла не об исторической справедливости в отношении к типу «лишнего человека»; спор шел о том, кому быть идейным вождем, кому и куда направлять ход исторических событий — либералам или демократам, к жалким реформам по указке царизма или к решительной революционной развязке.

¹ См. полный текст этой статьи в публикации В. Э. Богграда в «Литературном наследстве», т. 67, стр. 291—314.

В эти годы Анненков возобновляет приятельские отношения с Герценом, приветствует его лондонские издания; ему особенно импонирует обличительство в «Колоколе». В то же время он восхищается статьями прямого идейного врага Герцена — Б. Чичерина, вместе с Боткиным и Дружининым питает глухое недоброжелательство к Чернышевскому и Добролюбову, ко всей линии «Современника», печатается в «Русском вестнике» Каткова, вызывая этим неоднократные нарекания со стороны Герцена.

Чем дальше развиваются события, тем Анненкова все больше и больше тревожит нарастание демократического подъема — и брожение среди крестьян в ожидании «воли», и твердая, последовательная линия Чернышевского и Добролюбова, идущих во главе молодого поколения.

Известно, что Анненков был одним из тех, кто, используя старые приятельские связи и играя на либеральных иллюзиях Герцена, спровоцировал его выступления в «Колоколе» в защиту «лишних людей» от нападок «желчевиков» из «Современника».

В 1856—1861 годах Герцену и Огареву казалось, что в лице Анненкова они имеют верного, испытанного друга, близко стоящего к ним по убеждениям. В действительности Анненков был так же далек от них, как В. Боткин или К. Кавелин. Когда в «Колоколе» от 1 февраля 1861 года появилась статья Герцена «Провинциальные университеты», в которой свежие силы молодой демократической России противопоставлялись монархическому либерализму, Анненков писал Тургеневу 11 февраля 1861 года: «Недавно я прочел в заметке одного моего приятеля — и вашего, — что настоящие люди у нас в Харькове, Казани и в других отдаленных местах. Счастливцев! Он один их и видит; для нас это тайна»¹.

Имея в виду один из проектов освобождения крестьянства, всевозможные проволочки с подготовкой реформы в правительственных сферах, Огарев писал Анненкову 20 ноября 1860 года: «А может, оно и лучше, может, развязка из движения общественного неволью выйдет... Тебе все будет не вериться... Но сила обстоятельств сильнее твоего неверия»².

На самом же деле Анненков не «не верил», как думалось Огареву, а был принципиальным противником той «развязки» с крепостными порядками, на которую возлагали надежды революционные демократы. Поборник «свободы», «европеизма» и «гуманности», он искренне ратовал за отмену крепостного права, а вместе с тем так же искренне являлся

¹ «Труды Публичной библиотеки СССР им. Ленина», М., 1934, вып. III, стр. 115.

² «Звенья», 1934, т. III—IV стр. 419.

убежденным сторонником помещичьей собственности на землю и «порядка» на основе просвещенного абсолютизма, гарантирующего «образованному меньшинству» из имущих классов преимущественное положение в государстве. По-видимому, в беседах с Герценом и Огаревым даже и в 1860 году Анненков держался куда «левее», чем был на самом деле, и в этом они очень скоро убедились.

В письме к Тургеневу, озаглавленном «На другой день» (то есть от 6 марта 1861 года, так как царский манифест, подписанный 19 февраля, был объявлен в столицах лишь 5 марта), ликующий Анненков недоумевал, почему народ так безразлично отнесся к «освобождению», «будто... не получал никакого сюрприза, а только должное, ему следующее и задержанное слишком долго неисправным плательщиком»¹.

В письме к тому же Тургеневу под названием «Три недели спустя» (от 25 марта 1861 года) Анненков по-прежнему славословит грабительскую крестьянскую реформу как «русскую революцию», которая, в отличие от западных, совершается «во благонараии и в какой-то серьезности». Но в этом же письме встречаются строки иной тональности. «Положения» очень сложны,— пишет Анненков,— иногда идут наперекор народным понятиям о праве и собственности и уже повсюду образуют нечто вроде тяжбы между владельцем и крестьянами»².

Массовые крестьянские волнения в степной полосе, последовавшие в ответ на царский манифест о «воле» и захватившие частью и родную Анненкову Симбирскую губернию, личные его взаимоотношения с крестьянами в родовом поместье Чирьково показали, сколь далек он был в своей либеральной утопии от реальной действительности.

Правда, Анненков по-прежнему красноречиво насчет того, что по своему характеру реформа, дескать, соответствует «исконным условиям русского народного быта», но в действительности, на примере своих же собственных столкновений с крестьянами, он убеждается, что крестьянство мечтает о новой, «полной воле», а потому и царские «Положения» означают не социальный «мир», а начало «войны, борьбы и столкновения»³ между помещиками и крестьянами. Имея в виду предоставленное помещикам право полюбовно решать с крестьянами вопросы о размежевании и выкупных платежах, Анненков писал в том же письме к Дружинину из Чирькова от 12 июля 1861 года: «Добровольное соглашение так же осуществимо, как царство любви на земле. Ничего не остается более, как рабски следовать за буквой положения, что я и сделаю с облегчени-

¹ «Труды Публичной библиотеки СССР им. Ленина», М. 1934, вып. III, стр. 118.

² Там же, стр. 118 и 119.

³ «Письма к А. В. Дружинину», «Летописи Гослитмузея», кн. 9, М. 1948, стр. 29.

ями, какие будут возможны, и тотчас же покину этот взволнованный, далеко не умиранный и тайно озлобленный край»¹.

В годы контрнаступления реакции, организованного царскими властями вскоре же после объявления «воли», Анненков, хотя и с разного рода оговорками, оказался, вкупе с другими либералами, «в разношерстном стаде Каткова» (Герцен).

В 1861 году он фактически и навсегда порывает с Герценом и Огаревым. В 1862 году на страницах катковского «Русского вестника» появляется заключительная часть его памфлета «Февраль и март в Париже, 1848 г.». И вступление к памфлету и само повествование об «умственной анархии», якобы пережитой Францией в 1848 году, имеют целью предупредить русское общество от повторения подобных «случайных» событий. В этом же году в «Современной летописи», на страницах которой М. Катков с разрешения властей начинает печатать клеветнические измышления о Герцене и Огареве, появляется статья Анненкова «Письмо из Киева», проникнутая шовинистическими настроениями.

В 1863 году, в связи с выступлением Герцена и Огарева в поддержку польского восстания, «трезвый» Анненков уже прямо и откровенно обвиняет бывших друзей в отсутствии политического чутья. «А что за год мы прожили?—писал Герцен своей приятельнице М. К. Рейхель 28 августа 1864 года.— Даже Павел Анненков и тот лягнул в письмо»².

В дальнейшем Анненков даже и теоретически пытался обосновать свой отход вправо. По его мнению, крестьянская и судебная реформы шестидесятых годов являются якобы столь крупными и радикальными социальными переворотами «мирного» характера во всем строе русской жизни, что они в корне исключают историческую потребность в революционной деятельности на русской почве. Пореформенной России нужны, дескать, не Герцены, не Чернышевские и даже не Базаровы, а «трезвые» деятели легальной и мирной будничной работы вроде Калиновича из «Тысячи душ» Писемского или тургеневского Потугина из «Дыма».

Сплошь и рядом эта реакционная концепция приводила Анненкова к вопиющей неправде в критических оценках, к выпячиванию слабых и замалчиванию сильных, наиболее ценных сторон того или иного произведения.

Например, в статье «Русская беллетристика и г-н Щедрин» (1863) Анненков, хотя и неглубоко, но все же положительно оценивая сатиру Щедрина, вместе с тем недоумевал, почему писатель «снова возвращается к упраздненному крепостному праву». По мнению Анненкова, крепост-

¹ «Письма к В. А. Дружинину». «Летописи Гослитмузея». кн. 9, М. 1948, стр. 29.

² А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. XVII, стр. 339.